

*Евгения  
Гайдар*

**ИЗМЕНА**

*Шанс на счастье*

# Елизавета Найт

## Измена. Шанс на счастье

<https://litres.ru/74238889>

### Аннотация

♥#ЭКСКЛЮЗИВ♥# Я стою в полумраке его квартиры и глазами, полными слез, смотрю как на кровати... ..на его кровати страстно движутся разгоряченные влажные тела. - Диана? Что ты тут делаешь? Твою мать!!! Я не слушаю. Разворачиваюсь и бегу. Вырываюсь из душной квартиры. Боль рвет душу. Слезы застилают глаза. Резкий визг тормозов. Боль. Уплывающим сознанием успеваю ухватить пронзительный темный взгляд. Этот же взгляд встречает меня первым, когда я прихожу в себя. Этот взгляд не отпускает. Пугает и манит одновременно. А еще вызывает дрожь желания...Внимание! Данная книга содержит нецензурную брань, сцены эротического характера, распития спиртных напитков и табакокурения. \*\*\* Книга имеет общих героев с романом "Диагноз: Страсть". Является самостоятельным произведением!

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| ПРОЛОГ                            | 4  |
| Глава 1                           | 6  |
| Глава 2                           | 17 |
| Глава 3                           | 33 |
| Глава 4                           | 39 |
| Глава 5                           | 44 |
| Глава 6                           | 52 |
| Глава 7                           | 57 |
| Глава 8                           | 64 |
| Глава 9                           | 70 |
| Глава 10                          | 75 |
| Глава 11                          | 80 |
| Глава 12                          | 85 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 90 |

# ПРОЛОГ

Тело бьет крупная дрожь. Атласное вечернее платье насквозь промокло и прилипло к телу. Ледяные капли бьют по плечам, стекают между лопаток и в ложбинку между грудей.

Мокрыми ладонями пытаюсь смахнуть ручейки слез со щек.

Дура! Какая же я дура! – пульсирует в голове.

Как же я могла верить ему!

Всхлипываю и часто моргаю, пытаюсь смахнуть с ресниц влагу.

Перед глазами все плывет: серый город, улицы, равнодушные прохожие.

Бегу не разбирая дороги, словно он может бежать за мной следом. Резко оборачиваюсь – пусто.

Не то стон, не то всхлип срывается с губ.

А чего я ждала? Что он действительно бросит ее и победит за мной?

Сердце сжимается от боли. Растираю грудь ладонью.

Резко разворачиваюсь и сквозь пелену слез вижу перед собой пешеходный переход и моргающего зеленого человечка на светофоре.

Тело действует на автомате. Делаю шаг, другой. Кажется, еще шаг.

Откуда-то сбоку раздается визг тормозов и скрип мокрой

резины по асфальту.

Поворачиваю голову.

Время растягивается.

Словно в замедленной съемке на меня несется черная машина. Через залитое дождем лобовое стекло вижу лицо водителя, замечаю, как он пытается выкрутить руль и избежать столкновения.

Кажется, что у него еще полно времени.

На самом деле времени совсем нет. На секунду замершие капли молниеносно накрывают меня.

Тут же меня настигает сильный толчок. Тупая боль пронзает тело.

Последнее, что я помню это падающие на лицо ледяные капли воды и смазанное мужское лицо.

Он что-то говорит, но я не слышу слов. И просто закрываю глаза. Я так устала...

Наверное, это ангел звал меня прямо на небо.

Сердитый ангел с удивительно живыми темными глазами.

# Глава 1

Тупая ноющая головная боль заставляет поморщиться.

Чужой хрипловатый голос звучит совсем рядом. Он говорит долго и сердито, но я никак не могу уловить суть разговора.

Пытаюсь открыть глаза, но веки словно потяжелели в тысячу раз. Пытаюсь повернуться или приподнять голову.

В ответ к горлу подкатывает тошнота. Головная боль усиливается.

Жадно облизываю пересохшие губы.

Я не умерла. А так хотелось. Не зачем больше жить. Каждый удар сердца отдается болью в груди.

Глаза начинает щипать от быстро набежавших слез.

Нет больше ни мечты, ни цели.

- Очнулась? – гремит надо мной все тот же хрипловатый голос.

- Кажется, - едва могу выдавить из себя.

- Отлично! Открой глаза.

Делаю еще одну попытку. Поднимаю веки и тут же опускаю их. Слишком яркий свет.

- Где болит?

Я словно на допросе.

- Голова, - голос не слушается. Сипит.

- А еще? – все тот же настойчивый голос.

Не ласковый, хриплый, требующий ответов, проходящий-ся наждачкой по моим расшатанным нервам. Но все равно такой... такой... не знаю, как объяснить.

Просто от каждого слова вздрагиваю. Волоски на теле приподнимаются и рассыпают по коже мурашки.

Даже сердце, кажется, стало биться чаще.

- Не знаю, - шепчу я и снова пытаюсь открыть глаза.

- Здесь?

Чувствую осторожное и вместе с тем уверенное прикосновение. Вздрагиваю. Мурашки ускоряют свой бег.

Подушечки его пальцев мягко надавливают на кожу, перебирают сантиметр за сантиметром. Все выше и выше по моей ноге. Колено, бедро...

Волнение и паника нарастают, как и боль.

Его руки не останавливаются, продолжают гладить, мягко надавливать.

- Что вы делаете? – щеки вспыхивают. Голос становится громче.

Страх и злость придают мне сил.

Пытаюсь приподняться и отползти от настойчивого незнакомца.

- Обследую вашу ногу, - строго говорит мужчина.

- Обследуете? – мне удается, не смотря на головную боль и накатывающую волнами тошноту, приподняться.

Белесая пелена медленно растворяется, оставаясь лишь по периферии.

Вокруг меня ярко-белая комната. Неживой свет. В стороне стоят медицинские приборы.

Я лежу на безумно удобной и дорогой функциональной кровати, я такую видела лишь однажды, на практике в реанимации.

Белоснежное постельное белье смято, на мне не вечернее платье, а больничная ночнушка.

Перевожу взгляд на собеседника. Мужчина средних лет с жемчужной сединой на висках. Интересно, это естественный цвет или стилисты постарались?

Встряхиваю головой. Что за бред лезет в голову?

Мужчина терпеливо ждет. Его темный глубокий взгляд следит за мной.

Быстро разрываю зрительный контакт, чувствую, как щеки вспыхивают.

Только сейчас замечаю, что на мужчине врачебный халат. Вот только стетоскоп не переброшен через шею.

Из-под распахнутого халата виднеется идеально отглаженная батистовая сорочка, ее ворот распахнут. В вырезе успеваю заметить жемчужные курчавые волосы.

Они кажутся такими мягкими. Интересно, они и в правду...

Ловлю себя на мысли, что уже поднимаю руку, чтобы потрогать. Черт!

Сжимаю ладонь в кулак и опускаю. Да что это со мной?

Чувствую, что теперь пылают не только щеки, но и шея.



Опускаю взгляд ниже и дергаюсь.

Его рука продолжает лежать на моем бедре и нежно массировать. Смуглая, загорелая рука с длинными изящными пальцами.

Дыхание перехватывает, стоит мне рассмотреть то, что под его рукой.

Моя нога! На ней буквально нет живого места – сочащиеся сукровицей глубокие ссадины, безобразные багрово-синюшные синяки. Колено распухло и стало больше раза в два.

- Что случилось? – слезы все-таки срываются с ресниц и падают на белоснежную простынь.

- Ты не помнишь? – мужчина хмурится.

- Я помню дождь, - тру пальцами лоб. – Холод и...

- И? – его голос требует ответа.

- И машину, - наконец разрозненные картинки всплывают в моей памяти, и мне удастся ухватить пару из них.

- Отлично, - сердито говорит мужчина. – Где болит?

- Везде, - морщусь.

Мужские пальцы умело обследуют каждый сантиметр повреждений.

- И здесь? – он касается слишком чувствительной внутренней поверхности бедра.

Сердце бьется чаще и тревожнее.

- И здесь, - отворачиваюсь.

- И здесь? – голос строгий, сердитый.

- Везде! – говорю твердо. Не понимаю, почему врач такой

хмурый. Я же не виновата, что досталась ему в пациенты! Мог бы проявить сочувствие!

- Хорошо, - он берет с процедурного столика стерильную повязку.

- Что в этом хорошего? – удивляюсь я.

- Хорошо, что ты отделалась лишь синяками и ушибами, - он не поднимает взгляд, а продолжает клеить повязки на ссадины.

- А колено?

- Растяжение связок, ерунда!

- По-вашему это ерунда? – слезы звенят в голосе.

Сама не знаю, почему меня так задевает его черствость и жесткость в общении со мной.

- Ты помнишь, как тебя зовут?

- Да, - отвечаю не так уверенно, как бы хотелось. – Диана.

- Итак, Диана, - врач быстро заканчивает перевязку. - Да, я считаю, что ты отделалась легким испугом. А теперь ответь мне, какого черта ты прыгнула мне под колеса?

- Я... - замираю, словно кролик перед удавом.

Темный сердитый взгляд пронзает меня насквозь, обливает раздражением.

Перед внутренним взором моментально проносится огромная черная машина, сквозь мокрое лобовое стекло образ мужчины с серебристыми волосами. Следующая картинка – капли падающие с неба и все тот же образ с удивительно живыми встревоженными глазами. Кажется сама поверх-

ность радужки пошла волнами от волнения и страха... нет, не страха... а чего-то... чего-то еще...

- ... это не я! — хватаю ртом воздух.

Его серебристые брови иронично взлетают вверх. Словно спрашивая: а кто?

- Я шла по переходу, - голос подводит меня.

Мужчина кивает.

- Горел зеленый...

- Не горел, - прерывает меня мужчина.

- Горел, - уже не так уверенно отвечаю я.

- Ты стояла посередине дороги, на красный, под дождем.

- Я думала...

Стоит вспомнить о том дне, как я попадаю в свой персональный ад.

*Выпускной в медицинском колледже. Торжественная часть. Выпускники в нарядных платьях и костюмах.*

*У каждого в зале сидят родители, парни, девушки.*

*Только у меня никого...*

*Ничего страшного — уговариваю себя. Мама с Алсу поехали куда-то по делам, отчим никогда не интересовался моими делами, Марат работает. Мы увидимся вечером. Все вместе. Мама обещала приготовить праздничный ужин. И Марат обещал что-то особенное.*

К горлу снова подкатывает тошнота, стоит вспомнить ТО

## ОСОБЕННОЕ...

- Мама, алло, - почти кричу в трубку, перекрикивая порывы ветра. – Вы дома?

Вся моя группа поехала в ресторан, только я тороплюсь домой, на семейный ужин.

- Нет, Диана, - отвечает мама и хохочет с кем-то на том конце связи. – Мы встретили Галию апай и решили зайти к ней в гости. А тут такой ураган начался. Останемся у нее ночевать.

Из динамика очередной врыв хохота, кажется, даже звон бокалов.

- А ужин? – стараюсь засунуть подальше надвигающуюся обиду и разочарование.

- Диана, - голос матери становится сердитым. – Нельзя быть такой эгоисткой!

Она говорила что-то еще, но я уже не помню что...

Возвращаться домой не было никакого желания. Да и кто меня там ждал?

Пропускаю свой автобус и сажусь на маршрутку до Марата.

У меня уже давно лежат ключи от его квартиры, только я никогда не позволяла себе заявиться без звонка или в его отсутствие. Но не сегодня. Сегодня другой случай.

*Мне просто необходимо почувствовать себя нужной, любимой, желанной...*

*От волнения перехватывает дыхание.*

*Мы договорились с Маратом, что не будем торопиться, сблизимся чуть позже, возможно, после свадьбы.*

*Но в тот вечер дверь в его подъезд я открывала с совершенно другими мыслями.*

*Сегодня я потеряю девственность с любимым мужчиной!*

*Сердце учащенно бьется в груди. Пальчики покалывают от волнения.*

*С трудом делаю вдох. Перед глазами темнеет.*

*Я открываю дверь, и с порога меня окатывает непонятным предчувствием. Темная прихожая пропитана запахом чужих духов. Едких, приторных, смутно знакомых. Женских...*

*Из глубины квартиры раздается приглушенные шорохи. Сердце замирает. Осторожно опускаю клатч на тумбочку.*

*Иду вперед.*

*С каждым шагом шорохи становятся громче, различаю шлепки разгоряченных тел. Но не могу, не хочу верить...*

*Захожу в комнату...*

*И снова чертова тошнота подкатывает к горлу.*

Одежда разбросана по полу. На автомате поднимаю женское белье.

В полумраке, на диване сплелись два обнаженных тела. В воздухе стоит душлистый запах чужой страсти.

Мужчина расслаблено лежит. Его глаза закрыты. Девушка скачет сверху в позе наездницы.

Изящная женская спина с бисеринками пота, спутанные от страсти длинные темные волосы взлетают при каждом новом толчке.

Мужские пальцы впиваются в женскую плоть, направляют, задают темп.

Так вот как это происходит...

- Ах! – меня будто ударили под дых.

С очередным толчком девушка запрокидывает голову назад, выставляет вперед налитую грудь с небольшим родимым пятном в форме клубнички...

ОНА так гордилась этой родинкой. В детстве всем показывала и говорила, что отмечена всевышним...

- Диана?! – взвизгивает Алсу. – Что ты здесь делаешь?

Она подхватывает первую попавшуюся тряпку и пытается прикрыться.

Но Марат не дает ей. Его пальцы еще сильнее впиваются в ее бедра, удерживают на месте.

МОЙ мужчина не открывает глаз, делает еще пару резких движений бедрами и...

- Твою мать...

Разворачиваюсь.

Мерзко, как же это мерзко!

- Диана! – визжит сестра.

- Заткнись, - шипит на нее Марат и, судя по звукам, кубарем слетает с дивана. - Не будь душой, Диана...

Его последние слова сливаются с грохотом входной двери и болезненным и громким биением моего сердца.

Не помню, как вылетела из подъезда.

Перед глазами только пелена. Не сразу понимаю, что ледяной дождь смешался с моими слезами. Бегу, не разбирая дороги, не чувствуя холода и пронизывающего ветра...

Только боль. Острым раскаленным жалом она вонзается в самое сердце. Замирает на секунду, давая сделать вдох, и распадается на тысячу жгущих осколков. Боль...

Визг тормозов. Удар. И новая боль, только уже не в сердце.

Поднимаю руку и тру грудь, пытаюсь прогнать проснувшуюся боль.

- Диана, Диана! – мужские пальцы впиваются мне в плечи.

Пелена воспоминаний рассеивается не сразу. Для этого мужчине приходится меня встряхнуть пару раз.

- Я в порядке, в порядке... - шепчу и только замечаю, что слезы солеными ручейками стекают по щекам на подбородок и падают на белоснежную простынь. Рыдания душат.

- Успокойся, девочка, - неожиданно мужской голос стано-

вится мягче. Мужчина привлекает меня и обнимает. Крепко. Порывисто. От этих объятий перехватывает дыхание. - Я не хотел.



## Глава 2

- Игорь Михайлович, простите, к вам посетители, - дверь осторожно открывается и на пороге появляется медсестра.

Мужчина медленно отстраняется от меня. Но руки не убирал.

- Это полиция. Им что-то передать? – интересуется медсестра.

- Попроси их зайти, - кивает мужчина и ловит мой взгляд.

В палату входят двое молодых людей в темно-синей полицейской форме.

- Игорь Михайлович Воронцов? – уточняет один из них, сверяясь с какими-то записями.

- Да, - врач отодвигается от меня и складывает руки на груди.

На меня никто из них не обращает внимания. Словно я пустое место.

- Несколько дней назад вы попали в аварию, сбили человека на пешеходном переходе и скрылись с места ДТП... - словно приговор зачитывает второй полицейский.

- Нет, - резко прерывает его Игорь Михайлович. – Я зацепил девушку на регулируемом пешеходном переходе на разрешающий для меня сигнал светофора, это раз.

Мужчины только хлопают глазами.

- Я сам вызвал скорую для девушки и полицию – это два.

Он делает паузу, но никто не торопиться его прерывать.

- И когда через тридцать минут никто не приехал, я позвонил по экстренному номеру и сообщил, что сам отвезу девушку в больницу – это три. Когда через несколько часов ко мне все-таки приехал наряд ДПС, я все подробно рассказал и передал им запись с регистратора – это четыре. Что еще вы хотите уточнить?

- Запись с регистратора? – первый полицейский листает свои бумаги. – У меня об этом нет никаких сведений...

- Я предоставлю вам их еще раз. Что-то еще?

- Вообще-то да, - мнется второй мужчина. – Нам нужны сведения о девушке.

- Да, - первый полицейский продолжает рыться в своих бумагах и ничего в них не находит. – У нас нет ее данных, контактов. Никто не подавал на вас заявления. Куда вы ее отвезли? Как ее звали? Сколько ей лет?

Он достает чистый листок и ручку и собирается записывать под диктовку.

- А это интересный вопрос, - Игорь Михайлович переводит взгляд на меня. – Так давайте вместе и узнаем.

Две пары удивленных глаз встречаются на нем, но тут же соскальзывают на меня.

Едва кивая, не то здороваясь, не то выражая согласие на беседу.

- Вы – потерпевшая? – в глазах полицейского вспыхивает странный огонек. Они обмениваются быстрыми взглядами и

кивают друг другу. И мне совсем не нравятся эти взгляды. В них столько понимания, предвкушения и алчи.

- Наверное, - смущаюсь я.

Один из полицейских без приглашения устраивается за столиком и начинает что-то быстро записывать, пока второй продолжает заниматься нами.

- Господин Воронцов, мы бы хотели побеседовать с девушкой наедине.

- Исключено! – отрезает врач. – У нее сотрясение мозга и она находится под действием сильнодействующих препаратов. Оставлять ее без медицинского наблюдения чревато.

Ага, - отмечаю про себя. – Так вот почему тошнота не отпускает меня, а сознание плывет.

Полицейским приходится принять его условия.

Допрос или разговор длится бесконечно долго. По десятому кругу я описываю вечер, все, что помню про аварию. Но я почти ничего не помню. Мне задают наводящие вопросы, пытаются додумать за меня.

- Вам все-таки придется выйти, господин Воронцов. Все, о чем дальше мы будем говорить с девушкой, не предназначено для вас, - пытаюсь играть в «хорошего полицейского», говорит один из полицейских.

- Вот как? – и снова серебристые брови взлетают вверх. – И как это понимать? Я - участник аварии.

- Вы подозреваемый! – перебивает его тот, который взял на себя роль «плохого копа».

- Даже так? И в чем же? Подозреваемый в аварии? Я этого не скрывал.

- Гражданин Воронцов, вы подозреваетесь в похищении человека! – резко выдыхает «плохой полицейский» и сам, кажется, охреневает от того, что выдал.

Я только удивленно моргаю и перевожу взгляд с одного служителя закона на другого.

- Мне пора вызывать адвоката? – с ледяным спокойствием интересуется мой врач.

- Как только девушка подпишет заявление... - говорит парень и протягивает мне лист бумаги, убористо исписанный мелким подчерком.

- Что это? – неуверенно принимаю бумагу.

- Прочтите и подпишите. Это ваше заявление.

Под напряженным взглядом Игоря Михайловича читаю. «С моих слов записано верно...» так... «сбил... пока я была в бессознательном состоянии запихал в багажник...»

Поднимаю ошарашенный взгляд сначала на врача, а потом на полицейских.

Лицо Игоря Михайловича словно восковая маска. Ни единый мускул не дрогнул на нем. Лишь в карих глазах все ярче разгорается интерес! Мужчине интересно, чем все это закончится! Ни страха, ни паники!

Вот это сила воли!

Полицейские взглядами предлагают мне закончить чтение и поставить подпись.

Так... «засунул... и увез в неизвестном направлении... держал в заточении несколько дней... угрожал... шантажировал...»

- Сдурели?! – выкрикиваю я. Злость и раздражение вспыхивают внутри.

- Диана Сергеевна, - угрожающе поднимает голос «плохой коп», - вы поосторожнее в выражениях!

- Я не буду подписывать эту мерзость! – мну бумажку в руках под неодобрительными взглядами полицейских.

- Диана Сергеевна, мы понимаем, что стресс и все такое... - примирительно поднимает ладони тот, кто взял на себя роль «хорошего копа».

- Какой стресс? Вы предлагаете мне оклеветать человека, который, между прочим, спас мне жизнь! – слезы дрожат в голосе.

- Он похитил вас!

- Он отвез меня в больницу!

- Он удерживает вас незаконно и против вашей воли!

- Пока я была в отключке, мир что сошел с ума?! – выкрикиваю я и оборачиваюсь к врачу.

Он лишь равнодушно пожимает плечами. Но в его глазах я замечаю одобрение.

- Вы вообще знаете, где вы? В какой больнице?

Только открываю рот, чтобы поставить наглеца на место. Но не успеваю ничего ответить.

- Достаточно, - гремит хриплый баритон Воронцова. – Ди-

ане нельзя перенапрягаться.

- Мы не закончили, - пытается давить «плохой полицейский».

- А я сказал, закончили! – взгляд врача становится колючим и напряженным. Хочется отвернуться, отвести взгляд, лишь бы не смотреть в бушующую бездну его глаз.

Он делает несколько шагов, останавливается около меня и кладет ладони мне на плечи.

Вздрагиваю от неожиданности. Сердце ускоряется. А дыхание сбивается.

Молчаливая дуэль между мужчинами длится доли секунды. Полицейские сдаются, не выдерживают его силы.

- Мы придем завтра, - звучит как угроза.

- Я приглашу своего адвоката, - почти вежливо провожает их Игорь Михайлович.

Дверь закрывается, и в палате мы остаемся вдвоем.

- Почему они сказали, что вы удерживаете меня не законно? Что это за бред? – поднимаю голову и пытаюсь прочитать ответ в его глазах.

Взгляд врача становится напряженным, он разворачивается и отходит к окну.

Замечаю, как напрягаются его широкие плечи.

- Я жду... - голос слабеет.

Нехорошее предчувствие ядовитой змеей сжимает сердце.

- Это не совсем больница, - уклончиво отвечает мужчина.

- Нет? – еще раз осматриваю всю комнату.

Вполне обычная больничная палата. Только приборы больше кардиологические: ЭКГ-монитор, пульсаксиметр, даже дефибриллятор в углу.

- Ты у меня дома.

- У вас...? – воздуха не хватает. – Вы что, маньяк?

Икаю испуганно. В голове разрозненными кусками проносятся кадры из криминальной хроники, детективных романов и триллеров.

- Не говори ерунды, - бросает он резко и разворачивается.

Аристократические ладони сжимаются в кулаки, на небритых несколько дней щеках ходят желваки. Карий взгляд сердито вспыхивает.

- Это не больница? – еще раз зачем-то спрашиваю я и отползаю подальше на кровати. Медицинской, функциональной кровати.

- Нет, - рычит Игорь Михайлович, заметив мои телодвижения.

- А медсестра? – почти шепчу я. В голове уже всплывают мысли, что возможно я поторопилась, отказавшись от помощи полиции.

- Твоя сиделка.

- Зачем мне сиделка? – судорожно оглядываюсь, но в полупустой «палате» нет ничего полезного. Ни одежды, ни средств для самообороны.

- Ты бы предпочла проснуться совершенно одной в огром-

ном доме? – его бровь иронично изгибается.

Вот только хриплый баритон звучит грозно и надменно.

«Огромный дом» - звучит пугающе. Очень пугающе.

- Нет... А вы?..

- Кроме того, что я «ворую» сбитых мною девушек, я еще иногда работаю, - он делает шаг ко мне, но заметив, как я вздрагиваю, останавливается.

- Кем? – спрашиваю прежде, чем успеваю подумать.

- Врачом.

- То есть вы все-таки врач?

- Да, я врач.

- Почему вы не отвезли меня в больницу? Зачем привезли к себе?

- Я отвез тебя в больницу, в травматологию, - он садится напротив меня на стул. – Там сделали все анализы, МРТ, дали рекомендации и перевели в нейрохиргию.

Киваю.

- Там тебя тоже осмотрели, сделали МРТ головного мозга, назначили лечение и выписали.

- Как выписали? Я же была без сознания. Да?

- Диана, - Игорь Михайлович прикрывает устало глаза.

Он не выглядит пугающим или безумным, лишь немного уставшим. Он говорит твердо и уверенно правильные и логичные вещи.

- У тебя не было с собой документов, никаких. Ни паспорта, ни полиса. Заявление о пропажи девушки никто не



подавал...

Его слова заставляют болезненно сжаться сердце.

«Никто не подавал». А мама? Отчим? Алсу, наконец?

- Медицина в нашей стране не бесплатная...

- А страховая, - заканчиваю я за него.

- Верно, - в карих глазах вспыхивает интерес. – Поэтому, девушку без полиса в удовлетворительном состоянии дольше трех суток никто держать не будет.

- Но я же была без сознания! Как они могли? – слезы звенят в голосе. – Они что, просто вынесли меня на улицу и положили на лавочку.

- Нет, - впервые вижу, чтобы этот человек улыбался.

Едва заметно, лишь уголками губ. Но от этой улыбки сжимается сердце и учащается пульс.

- Ты была не без сознания. Ты была загружена.

- Они накачали меня лекарствами?

- Ты плохо переносила болевой синдром, - он пожимает плечами. – К выписке они бы обязательно вывели тебя из медикаментозного сна.

- Но вы забрали меня такой, - подвожу итоги. – Зачем?

- Я не мог позволить вышвырнуть тебя на улицу, - в его голосе звучат новые волнующие нотки.

- Но почему? – допытываюсь я. Что я хочу услышать? Что он решил позаботиться обо мне вместо моей семьи? Бред!!!

- Мне показалось это неправильным, - еще мягче говорит мужчина.

В тишине «палаты» раздаются его шаги. Он подходит. Близко. Очень близко.

Чувствую жар его тела через тонкую сорочку и его халат. Мурашки волнами пробегают по телу, заставляя сердце участиться от волнения.

Страх больше нет, только непонятный трепет.

- Я не мог допустить, чтобы с тобой случилось что-то еще. Это неправильно, ты понимаешь меня? – его большие ладони опускаются на мои плечи.

Осторожно поглаживают, сжимают. Вспыхиваю. Дыхание перехватывает.

Он же не говорит ничего такого... не делает. Тогда почему мое тело так странно на него реагирует?

Не могу поднять голову, боюсь встретиться с его взглядом и того, что могу там увидеть или не увидеть...

Часто моргаю. Странно. Все это так странно.

За последние полчаса - час я ни разу не вспомнила о Марате, об Алсу, о маме...

Мама!

- Я бы хотела позвонить родным. Отдайте мне, пожалуйста, мои вещи... - не поднимаю головы.

- При тебе не было ничего, - Игорь Михайлович осторожно присаживается на край моей кровати. Его ладони по-прежнему сжимают мои плечи, вызывая странную дрожь.

- А мой клатч?... – слова замирают на губах. Игорь Михайлович лишь отрицательно качает головой.

Конечно, он остался у НЕГО вместе с телефоном, документами и дипломом... на тумбочке в прихожей...

- Я могу попросить у вас телефон?

- Конечно, Диана, - он достает из кармана супер тонкий и безумно дорогой смартфон, за который любая девушка в моей группе продала бы душу дьяволу.

Осторожно принимаю дорогую вещь с вожденным для многих надкусанным яблочком и понимаю, что даже не подозреваю, как им пользоваться. Слишком сильно интерфейс отличается от моего андроидовского.

- Наберите мне номер, - отчаянно краснею и возвращаю телефон.

- Диктуй, - быстро командует Игорь Михайлович. В его голосе не слышно удивления или пренебрежения.

- Восемь, девятьсот...

- Держи, - он быстро набирает необходимый номер.

Протягиваю руку и случайно касаюсь кончиков его пальцев.

Сквозь тело проходит электрический разряд, меня встряхивает. Чуть телефон не выпадает из рук. С удивлением замечаю, что и Игорь Михайлович вздрагивает, резко отдергивает руку и с удивлением смотрит на свои пальцы.

- Да? Алло? Говорите уже... - слышу сердитое рычание мамы из динамика.

- Мама? – радостно кричу в трубку.

- Диана? – слышу удивление в ее голосе. – Ты где, мерзав-

ка?

- Мам, я...

- Что ты себе позволяешь? Мы с ног сбились, а ты...? Марат с Алсу дома почти не ночуют – ищут тебя!

Последняя фраза больно режет по сердцу. Они не ночуют дома. **ОНИ НОЧУЮТ ВМЕСТЕ, НО НЕ ДОМА!**

- Мам! – слезы боли, обиды и негодования вскипают на глазах.

- Подумаешь, ужин ей не устроили праздничный. Из-за этого протест надо устраивать, да? А о матери ты подумала? А о женихе? О сестре с отцом?

- Он мой отчим, - зачем-то поправляю я маму.

- Ах так?! Отчим, значит. Вырастил, человеком сделал и **ОТЧИМ!!!!** Неблагодарная мерзавка!

Но он не делал из меня человека, он всю мою жизнь не замечал меня! Хочется крикнуть это матери, но я понимаю, что ее это обидит. Она ведь и замуж за него выходила, чтобы нам легче жилось. Потом у них родилась Алсу и моя жизнь как-то отошла на второй план для всех.

- А я? Об меня тоже можно ноги вытирать? А сестра родная? А жених? Он в чем виноват? Пашет ради тебя на двух работах, - продолжает кричать мама.

Откуда она вообще знает, где работает Марат? Я ей об этом не говорила. Тем более, что я сама уже не первый год работаю санитаркой в больнице. И обеспечиваю себя сама. Даже за еду стала маме деньги отдавать.

Откуда она знает про Марата?

- Сестра ночей не спит!

- Мама, - слезы градом катятся из глаз. – Марат мне изменил с Алсу. Мам...

На том конце повисает долгая пауза. Осторожно стираю влажные дорожки со щек. Жду, что она скажет. Жду взрыва негодования, поддержки, защиты...

- Мне стыдно, - тихим упавшим голосом отвечает мама. – Мне стыдно, что ты моя дочь!

- Мам...

- Замолчи! Ты сбежала из дома, бросила все, не подумала ни о ком. Что ты там делала? Пила? Наркоту пробовала? Может еще спала с кем-то? А? И это не первый раз, как ты пропадаешь куда-то! Дежурства? Смешно! Кому ты нужна, неумеха! Мне Алсу проговорила, что тебя чуть не отчислили за неуспеваемость! Ты поди по притонам шляешься! И у тебя хватает наглости наговаривать на свою сестру? На Маратика???

- Мам? – задыхаюсь от унижения и обиды.

Это же не меня, это Алсу чуть не отчислили. Она плакала и просила помочь. Я ей все деньги накопленные отдала, чтобы она оплатила сессию.

- Чтобы через полчаса была дома! – резко выдыхает мама.

- Я не могу, - слезы новой волной стекают по щекам, по подбородку, падают на ночнушку и простынь. – Я... меня...

- Значит, можешь не возвращаться совсем! – отрезает она

и бросает трубку.

- Мама! – почти кричу, но из динамика раздаются только короткие гудки. – Меня машина сбила...

Добавляю совсем тихо. Шепотом.

За что? За что она со мной так? Я ведь ни в чем не виновата...

- Ни в чем... - повторяю эхом собственные мысли вслух.

- Тише, тише, девочка, - Игорь Михайлович оказывается рядом. Неожиданно слишком близко.

Его горячие ладони ложатся мне на спину. Осторожно гладят.

Он притягивает меня ближе к себе и обнимает.

Я не сопротивляюсь. У меня просто нет на это сил.

Через белоснежный халат и батистовую сорочку слышу напряженное биение его сердца. Оно бьется в унисон с моим. Часто, тревожно.

Судорожно всхлипываю и упираюсь лбом в белоснежный халат.

- Я не виновата... я не такая... - шепчу едва слышно.

- Нет, конечно, нет, - его руки осторожно гладят мои волосы, спину.

Нежно, трепетно. Кожа под тонкой сорочкой вспыхивает, мурашки повторяют путь его ладоней, вырисовывая причудливые узоры.

В груди неожиданно разливается жар, он все быстрее и быстрее течет по венам, заставляет сбиться дыхание, задро-

жать в чужих объятиях.

Низ живота вспыхивает. Внутри рождается что-то новое, горячее, неизведанное. Промежность сжимается, роняя горячие капли на нижнее белье...

- Простите, - слабо упираюсь в мощные мужские плечи. – Мне надо домой...

- Нет, - не ослабляет хватки Игорь Михайлович.

Поднимаю испуганный взгляд и успеваю заметить в потемневшей радужке отголоски своих собственных чувств и эмоций. Удивление, страсть, жажда...

Мужчина быстро справляется со своими эмоциями. Слишком быстро. Взмах ресниц, и я уже не могу точно сказать, видела я все это за почти черной радужкой или мне это показалось.

- Меня ждут дома, - стараюсь, чтобы голос не дрожал. Выходит плохо.

- Ждут, - кивает он. – Но пока ты не готова к переезду.

Он неохотно ослабляет хватку. Чувствую, как под моими ладонями напрягаются его мускулы.

- Я вам благодарна, но... - лепечу что-то в ответ.

- Ты никуда не едешь и точка! – Игорь Михайлович поднимается. – Я сам свяжусь с твоей семьей и все им объясню.

- Нет! – выкрикиваю слишком громко.

Так громко, что в приоткрывшуюся дверь заглядывает сиделка. Но удостоверившись, что все хорошо, исчезает.

- Это не обсуждается, Диана. Твой врач – я. И я считаю,

что ты не в состоянии переезжать куда-то. Как только все изменится, я сам отвезу тебя домой. А пока...

Он делает многозначительную паузу.

- А пока ты моя гостя. Отдыхай. Тебе нельзя волноваться, - он наклоняется и большим пальцем подхватывает крупную слезу, что катиться по моей щеке.

Я даже не заметила, что все еще плачу. Что слезы двумя ручьями бегут по лицу.

И этот жест чужого человека неожиданно заставляет сердце болезненно сжаться от боли, от осознания того, что ближе и роднее его сейчас нет никого на белом свете. Что кроме него я сейчас никому не нужна. Ни семье, ни «жениху»...

- Я не беременная! – выдыхаю я и густо краснею. – Я вообще не с кем...

Зачем-то добавляю я.

- Нет, Диана, конечно, нет, - он легко улыбается уголками губ. Словно он знает обо мне больше, чем я сама.

Смущаюсь, от той глупости, что ляпнула.

- Вы сказали, что мне нельзя волноваться. Вот я и...

- Отдыхай, Диана, - мягкая волнующая улыбка продолжает светиться на его губах. – Мы еще поговорим об этом...



## Глава 3

«Я не беременная! Я вообще не с кем...» Со злости переворачиваюсь на другой бок и подпихиваю под ноющую ногу одеяло.

Как? Ну как я могла ляпнуть такое? Да еще малознакомому мужчине, который мне в отцы годится!!!

И снова ворочаюсь в постели. В очередной раз. Сон никак не идет.

Сердце болезненно сжимается.

В сотый раз прокручиваю в голове разговор с мамой. За что она так со мной? Я ведь всегда старалась ей помогать, в последнее время и зарплату почти всю ей отдавала, когда у отчима начались проблемы с работой: то зарплату задержат, то вообще не заплатят.

И Алсу...

Смахиваю моментально набежавшие слезы. За что она ТАК со мной? Она ведь знала, как я люблю Марата, что у нас все серьезно. Я все и всегда рассказывала ей, все свои секреты.

Сестра даже знала, что у меня еще никого не было. Что первым и единственным я видела только Марата и то после свадьбы. Она всегда поддерживала меня в этом. Лицемерка!

Слезы ручьями стекают по щекам и падают на белоснежную наволочку. Я больше не пытаюсь их остановить.

Это сестра уговорила меня познакомить ее с Маратом, а после привести его домой.

Я боялась, думала, маме это не понравится, но ей напротив после подготовки от Алсу Марат очень понравился. Она даже сказала, что мне очень повезло.

Даже вечно молчаливый отчим крепко пожал руку Марата на прощанье.

И я поверила...

Поднимаю руку и растираю ноющую грудь. Тупая, ворчащая боль расплзается внутри. Она медленно сжимает сердце, отпускает ненадолго сделать глоток воздуха и сжимает опять.

Давлю рыдания. Нет. Я не буду больше плакать. Не хочу! Они того не стоят. Ни Алсу, ни Марат...

Как назло в памяти всплывает образ сплетенных в страсти тел. Смуглая, блестящая от пота кожа, длинные взлетающие вверх локоны, сведенные судорогой наслаждения пальцы на бедрах моей сестры, запах чужой запретной страсти и громкие шлепки разгоряченных тел.

Тошнота подкатывает к горлу.

Мерзко, грязно, гадко. Очень гадко.

Закусываю губу до боли. Но это не помогает. Ноющая боль в груди становится нестерпимой, острой, разрывающей на куски.

Она меня предала, обманула. Я даже не знала, что Алсу уже не девушка. Она мне почти ничего о себе не рассказы-

вала. Только сплетни с учебы, мелочи про подруг. И ничего о личном.

А может, Марат и был ее первым?

Горечь разливается по языку.

Мой Марат лишил девственности мою сестру. Алсу, а не меня.

И снова разгоряченные тела, шумное дыхание, последний рывок и судороги моего парня под моей сестрой, выгнувшись ему навстречу Алсу...

Резко сажусь в кровати. Горло сжимает спазм. Горечь усиливается.

Осторожно сползаю с кровати и ковыляю в сторону маленькой двери.

Едва успеваю добраться до унитаза, как меня выворачивает.

Сползаю на пол. Бледными пальцами до боли цепляюсь за стульчак. Спазмы снова и снова скручивают мое тело. Я почти и не ела сегодня – выходить нечему. Только желчь с водой.

Но спазмы не отпускают. Пустые, выматывающие спазмы.

Перед глазами все плывет. Опускаю тяжелую голову на руки и дышу через рот.

Вроде отпустило.

Надо вернуться на кровать. Но даже мысль об этом вызывает новый приступ тошноты и головокружения.

Я не дойду. Не смогу. Сплеываю вязкую слюну.

Пить. Так хочется пить.

Ночнушка липнет к покрывшемуся ледяным потом телу. Белоснежный кафель холодит. Тело бьет крупная дрожь.

Веки тяжелеют. Голова пульсирует болью.

С трудом удерживаю сознание.

Сквозь шум крови в ушах слышу шаги. Или мне это только кажется.

- Идем, девочка, - чьи-то горячие руки подхватывают меня.

Ужасно горячие, огненные. Кажется, что они оставят после себя глубокие ожоги, заставляют плавиться и зудеть кожу.

Легко, словно пушинку, они поднимают меня, прижимают к чему-то еще более горячему. Кладу на это озябшие ладошки. Хорошо, как же хорошо.

Осторожно покачиваясь, я парю. Меня куда-то несут. Кажется.

Сил нет, чтобы открыть глаза. Осторожно дышу через приоткрытые губы.

Боюсь нового приступа.

- Вот так, - меня укладывают обратно на кровать. – Давай посмотрим...

Знакомый голос. Только слишком тихий, взволнованный.

- Выпей, - моих губ касается прохладное стекло бокала.

Делаю жадный глоток, еще и еще. С трудом поднимаю руку и пытаюсь перехватить бокал. Делаю только хуже.

Вода выплескивается, заливает подбородок, стекает на шею, грудь, пропитывает ночнушку, неприятно холодит.

- Ты вся промокла, - голос не обвиняет, просто констатирует. – Подожди...

Легкие шаги, шорохи...

- Давай, осторожно.

Горячие руки забирают пустой бокал из моих рук, заставляют меня приподняться. Тонкая ситцевая сорочка скользит по моему телу. Не сразу понимаю, что происходит. Меня раздевают.

- Нет, - хмурюсь. – Не надо...

Пытаюсь вернуть на место тонкую ткань.

- Ты дрожишь, - шепчет голос. – Замерзла, ее надо поменять...

Смысл медленно доходит до меня. Сменить мокрую на сухую. Перестаю сопротивляться, но и сделать все самой сил нет.

Просто опускаю руки и позволяю ЕМУ сделать все самому.

Он осторожно комкает ткань, тянет ее вверх, случайно касается моей груди, отчего соски напрягаются.

Прохладный кондиционированный воздух обволакивает меня. Морщусь. Зябко передергиваю плечами.

Чувствую, как соски болезненно сжимаются, превращаясь в напряженные горошины.

На секунду в палате наступает тишина.

Пытаюсь открыть глаза, но все плывет, головокружение усиливается.

Моего тела касается прохладная влажная ткань. Она легко скользит по лицу, стирая остатки пота и слез. Головная боль отступает.

Тряпица соскальзывает на шею, мягко обводит ключицы. Хватаю ртом воздух.

Внутри нарастает трепет. И снова вспыхивает низ живота. Томительно, многообещающе, почти болезненно.

Влажная ткань опускается все ниже. Закусываю губу.

Легким движением она обрисовывает полукружия груди, едва касаясь напряженных сосков.

- Нет, - едва могу выдавить из себя, как мокрая ткань исчезает, а мне на голову опускается чистая и сухая ночнушка.

Горячие руки расправляют каждую складку, почти силой укладывают меня на кровать, нежно гладят по голове.

- Спи, девочка. Спи...

## Глава 4

Тусклый солнечный свет проникает через опущенные жалюзи.

Резко сажусь в кровати.

Что это было?

Тут же падаю назад. Голова кружится, виски ломит. Легкая тошнота подкатывает к горлу.

Что это было, ночью?

Осторожно открываю глаза и пытаюсь осмотреться.

На мне точно такая же, как и вчера ночная сорочка. Белоснежная пустая «палата». Ни скомканных влажных полотенец, ни грязной ночнушки.

Ничего вокруг, что могло бы прояснить мой ночной «сон».

Осторожно поднимаюсь. Дышу мелкими глотками.

Пытаюсь встать на ноги.

Поврежденное колено отдается тупой болью. С трудом могу удержать равновесие.

Нет, я бы вчера одна не смогла добраться до ванной комнаты. Это точно.

- Доброе утро, - дверь открывается и на пороге появляется моя сиделка. – Диана!

Она бросается вперед и вовремя подхватывает меня под руку.

Боль нарастает, а силы покидают меня.

С ее помощью сажусь на кровать.

- Вам рано еще вставать, - говорит она строго.

- Я хотела в туалет, - вру ей.

- Надо было позвать меня, - она указывает на большую красную кнопку. Я и так знаю, зачем она.

- Не хотела вас беспокоить...

- Ерунда, - говорит она строго.

- Спасибо за помощь. Вашу и Игорь Михайловича, - пытаюсь осторожно начать разговор. – А перевязка сегодня будет?

- Обязательно, - сиделка подкладывает мне под поясницу подушку. – Сначала завтрак, потом – перевязка. Я сейчас...

- А перевязку будет делать Игорь Михайлович? – спрашиваю и густо краснею.

- Нет, - женщина словно не замечает моего румянца. – Он уехал по делам еще вечером. Возможно, будет сегодня поздно ночью, но скорее всего уже завтра.

Киваю, а у самой сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Значит, приснилось. Его не было. Все это было сном, плодом воспаленного сознания.

Осторожно выдыхаю.

Ольга Николаевна, моя сиделка, приносит мне вкусный завтрак, промывает ссадины, накладывает свежие повязки и быстро бинтует эластическим бинтом колено.

Прошу ее посидеть со мной и рассказать все, что она зна-



ет обо мне. Женщина сурово оглядывает меня, но кажется, смягчается.

По сути она ничего и не знает. Ухаживает она за мной четвертый день.

Четвертый... Плюс три в больнице. Это уже неделя!

Все назначения делает Игорь Михайлович или лично, или по телефону. На мою «хитрую» отмазку, что я все равно не разбираюсь в лекарствах, получаю ответ, что там все стандартно: ноотропы, антибиотики, обезболивающие.

С ее слов ничего сильного или наркотического я не получаю. Это успокаивает.

Посередине разговора у сиделки звонит телефон.

- Да? Мама? Артем! Что случилось? – лицо женщины моментально бледнеет. – Да, я поняла. В какую больницу? Нет, вы с Полиной останетесь дома. Нет, Артем, дома. Я поеду к бабушке сама. А ты присмотри за сестрой. Не знаю, как меня сменят...

Она говорит что-то еще. Ее голос становится все напряженнее и выше.

Сбросив один вызов, она быстро набирает кому-то. Нетерпеливо стучит коротким ноготком по пластиковому корпусу смартфона.

- Ну, Игорь Михайлович, ну же, - приговаривает женщина.

Она набирает снова и снова. Но ответом ей служит тишина или бездушный голос автоответчика.

С каждой минутой на ее лице все отчетливее и отчетливее читается паника и страх.

- Ольга Николаевна, езжайте, вам надо домой, - осторожно кладу ладошку на ее судорожно сцепленные руки.

- Я не могу, - качает она головой.

- Ваша мама попала в больницу?

Она кивает.

- А дети одни дома?

И снова кивок.

- Если это из-за меня, то не беспокойтесь. Со мной все будет хорошо. Я буду здесь. Вы или сменитесь и ко мне придет другая сиделка, или вы вернетесь сами.

- Но Игорь Михайлович...

- Я думаю, он поймет.

- Я найду кого-нибудь меня сменить, - бросает она на ходу и вылетает из комнаты, а я сползаю обратно на кровать.

Закрываю глаза.

- Я на всякий случай оставляю вам это, - Ольга Николаевна ставит у функциональной кровати современный легкий костыль. – Это на экстренный случай.

За прошедшие полчаса она успела переодеться, но замену себе так и не нашла.

Женщина сомневается. Но я улыбаюсь ей как можно приветливее и заверяю, что со мной все будет хорошо.

Наконец, она кивает и уходит, прикрыв за собой дверь.

Еще через минуту где-то в глубине дома хлопает тяжелая

входная дверь, а следом раздается шелест шин по асфальту.

Уехала.

Самое время испытать свои силы и провести разведку. Откидываю край одеяла, осторожно сажусь, подтягиваю к себе костыль.

Легкий удобный, он плотно обхватывает предплечье, распределяя нагрузку.

Осторожно встаю, делаю шаг, другой.

О да, так намного лучше.

## Глава 5

Выскальзываю из своей палаты. Игорь Михайлович не обманул. Это не больница. Это огромный загородный дом.

Осторожно исследую длинный коридор, заглядываю в комнаты.

Я не собираюсь лазить по шкафам и тумбочкам, я не открываю закрытые двери. Мне просто интересно, где я.

От непривычной нагрузки начинает болеть голова.

Очередная дверь распахнута настежь.

Огромная комната с высокими стеллажами, заполненными книгами. В углу уютный диван и мягкие кресла.

Оборачиваюсь, до палаты далеко. Я рухну раньше, чем доберусь до нее.

Делаю неуверенный шаг вперед.

Не надо было идти так далеко.

Осторожно, с остановками добираюсь до дивана. Почти падаю на него. Закрываю глаза и просто дышу. Медленно, мелкими глоточками. Пытаюсь прогнать давящую боль в висках.

Не знаю, сколько проходит времени.

Боль и тошнота отступают.

Открываю глаза и замечаю прямо перед собой стеллаж с семейными фотографиями.

Интересно. Неожиданно мне хочется подойти и рассмот-

реть все эти фотографии. Прикоснуться к каждой. Посмотреть, кто эти люди рядом с Игорем Михайловичем. Ведь это его семья.

Осознание этого неожиданно больно колет в самое сердце.

Поднимаюсь и гоню от себя странные мысли. Осторожно добираюсь до стеллажа.

Фотографий много. Но на большинстве из них Игорь Михайлович на каких-то медицинских конференциях в окружении коллег. Несколько фотографий с сыновьями. Высокие темноволосые парни, словно две капли воды похожие на отца.

Мой взгляд быстро и жадно скачет по полкам, пытаюсь найти еще фотографии с семьей.

Замечаю одну такую на самой дальней полке.

Кроме сыновей там есть еще кто-то. Женщины.

Ощущаю укол в самое сердце и нарастающее любопытство.

Я хочу посмотреть поближе. Мне почему-то жизненно необходимо увидеть его жену. Сама не знаю почему.

Тянусь. Нет. Не достаю.

Еще чуть-чуть. Ну же...

Кончиками пальцев лишь слегка поглаживаю одну из полок. Но до нужной мне не дотянуться.

Оборачиваюсь и замечаю маленькую библиотечную лентку. Я видела такие только в фильмах.

С трудом подтягиваю ее к стеллажу.

Упираюсь ладонью в книги. Перед глазами все плывет. В ушах шумит. Даже мерещится шорох в коридоре и шаги. Встряхиваю головой и ставлю ногу на ступеньку. Замираю. Вроде ничего. Цепляюсь рукой за стеллаж и делаю очередное усилие. Головная боль возвращается. Но я упрямо тянусь к своей цели.

Неожиданное ощущение чужого взгляда парализует меня. Замираю. Комната начинает плясать перед глазами. Легкие покалывания от лодыжек ползут вверх, захватывая колени, бедра...

Хочу одернуть ночнушку. Но боюсь сорваться. Вздрагиваю, ощущая совсем рядом с собой живое человеческое тепло. Кто-то стоит внизу за моей спиной. Оголенной кожи бедра касается обжигающее дыхание.

Паника накрывает меня с головой. Кто это и что ему от меня нужно?

Дом ведь пуст! Никого не должно быть! Вздрагиваю и начинаю терять равновесие. Две горячие ладони ложатся на мои ягодицы и возвращают меня на место. Кожа моментально вспыхивает, заставляя кровь стремительно нестись по венам.

Вокруг разливается аура силы и злости. Чувствую мужское раздражение каждым сантиметром кожи. Сердце трепещет внутри с максимальной частотой. Это ОН! Он приехал и застал меня здесь!

От осознания этого становится еще страшнее. Внутри нарастает тревога и непонятное волнение.

Как я объясню ему, что здесь делала?

Тем временем мужчина не спешит убирать ладони. Нежно скользит по моим ягодицам, осторожно сжимает их.

Обжигающая волна устремляется вниз живота, вызывая странное томление.

Сердце ухает вниз, а после начинает бешено колотиться где-то в горле.

Стараюсь сглотнуть вязкую слюну.

Мужчина жадно вытягивает воздух и судорожно выдыхает его. Обнаженной кожей чувствую обжигающее дыхание.

Он так близко, в каких-то миллиметрах от меня.

С трудом отрываю ногу от ступеньки и пытаюсь спуститься, но мужчина удерживает меня на месте.

Секунды растягиваются, время превращается в липкую массу, что затягивает нас.

Мощные ладони скользят вверх, мнут тонкую ткань. Замирают на талии.

Его хватка становится крепче. Длинные пальцы практически впиваются в мое тело.

Меня словно электрическим током бьет. Сильно, мощно, остро.

Ничего подобного со мной никогда не происходило. Резко и неожиданно вжимается влагалище, а я ощущаю, как по внутренней стороне бедра скользит горячая капля.

Да что это такое?

Лицо моментально вспыхивает. По телу разливается жар.

Опускаю трясущуюся ладонь на его руку. И вздрагиваю от ее жара.

Его пальцы сжимаются сильнее, захватывая мою талию в кольцо.

Я не могу спуститься, не могу сделать шаг в сторону, я могу только полыхать от незнакомых мне ощущений.

Я сама себя загнала в ловушку с этой стремянкой.

Я больше не чувствую ничего, кроме его рук на моем теле.

Я вся превращаюсь в один оголённый нерв.

- Осторожно, не дергайся, - хрипит мужчина.

Не успеваю ничего понять, как он просто приподнимает меня над стремянкой, переносит через комнату и опускает на кресло.

Без его рук на моем теле резко становится холодно.

Опускаю залитое краской стыда лицо и молчу.

Игорь Михайлович молча устраивается напротив, наливает что-то в пузатый бокал и делает глоток.

Чувствую, как от него волнами исходит ярость и раздражение.

Но он молчит.

Напряжение давит на плечи. Воздух с каждой секундой становится все тяжелее. Каждый вздох дается с трудом.

- Я не хотела, - шепчу, еще ниже опуская голову. – Простите.



- А что ты хотела? – его голос звучит спокойно.

На секунду поднимаю взгляд, чтобы встретиться с его горящими безумием карими глазами.

- Я... - тут же отвожу взгляд и бледнею. – Я хотела пройтись...

- Прошлась?

Молча киваю под его тяжелым изучающим взглядом.

- Я уже не могла сидеть в своей палате... - пытаюсь как-то оправдаться.

- Ну да, - он с грохотом опускает бокал на стол. Янтарная жидкость выплескивается через край. – И решила добавить себе еще пару переломов!

Его ярость выплескивается на меня. Хриплый баритон оглушает.

- Я не думала...

- Ты вообще мало думаешь, как я посмотрю! – рявкает он.

Открываю рот, чтобы возразить, защититься, но не могу...

Дыхание сбивается, судорожный вдох и наружу уже рвутся рыдания.

Перед глазами моментально появляется пелена. Часто моргаю, стараюсь прогнать неуместные слезы. Но не могу.

Капли срываются с ресниц и сбегают по щекам.

- Такое чувство, что ты решила самоубиться самыми изощренными способами и напоследок выставить меня твоим убийцей.

Всхлипываю в ответ. Но Игорь Михайлович словно не замечает нарастающей истерики. Он вскакивает с кресла и начинает мерить шагами библиотеку.

- Ты бросилась под мою машину! – бросает он первое обвинение. – Только чудом все закончилось хорошо!

Я хочу возразить, но голос не слушается.

- Ночью ты чуть не убила об унитаз, так еще и чуть не утонула в нем! - ревет он зло.

Поднимаю на него полные слез глаза. Значит, ночью все было на самом деле. И он, и мокрое полотенце...

- И не смотри на меня так! Я бы списал это на действие лекарств, но ты не получаешь ничего, что могло бы затуманить твой разум! А сейчас?

Всхлипываю и размазываю влажную дорожку по щеке.

- Что это было? – он делает неопределенный жест в сторону лестницы. – Стоило сиделке уехать, как ты уже куда-то полезла. И не просто куда-то! Нет! На стремянку, хлипкую конструкцию. Да еще и с костылем!!!!

- Простите, я правда не хотела...

Игорь Михайлович слишком быстро оказывается передо мной. Не успеваю отодвинуться.

Его пальцы впиваются в мои плечи и дергают на себя.

- Ты что не понимаешь, что я отвечаю за тебя? – его взгляд становится еще темнее, еще опаснее.

Зрачок пульсирует и поглощает радужку. Его взгляд не отпускает, гипнотизирует, заставляет трепетать перед владель-

цем.

- Что я каждую гребанную минуту думаю, как поставить тебя на ноги, как оградить тебя от всего...

Его голос становится хриплым. Дыхание сбивается. Его взгляд жадно блуждает по моему лицу.

- Простите... - еще раз шепчу я.

- О господи, - выдыхает он мне в губы.

Наклоняется и целует.

Его губы удивительно нежные и вкусные. Капелька крепкого виски добавляет им терпкости.

С остервенением он набрасывается на мои губы, втягивает их в рот, кусает, зализывает укусы и, наконец, раздвигает их языком, намереваясь попробовать меня на вкус.

Его руки словно безумные исследуют мое тело, гладят, мнут тонкую ткань ночной рубашки.

Волнение набатом стучит в груди, мысли становятся вязкими. Поднимаю руки и кладу ему на грудь.

Я должна оттолкнуть его, одернуть и уйти.

Уйти навсегда из этого дома, от него...

## Глава 6

Меня затягивают неизведанные чувства. Тело дрожит под напором мужчины, его прикосновений, кровь вскипает в венах и ураганом разносит по телу бурлящую страсть.

Под ладошками чувствую, как ускоряется огромное сердце в его груди. Его ритм вот уже который раз совпадает с моим. Дыхание перехватывает.

Ноги дрожат и отказываются держать меня.

С усилием отрываюсь от его губ, нежных, терпких, манящих.

Стараюсь успокоить дыхание.

- Простите, - еще раз шепчу я. – Я, пожалуй, пойду... к себе...

Он не удерживает. Его ладони соскальзывают с моего тела, огладив напоследок.

Выдыхаю.

Осторожно разворачиваюсь.

Он молчит.

Делаю глубокий вдох, подхватываю костыль.

Первый шаг дается тяжело. Жду, что он остановит меня, окрикнул, схватит за руку.

Но он не останавливает.

Осторожно дохожу до двери.

Между лопаток чувствую его напряженный взгляд. Он

изучает меня, оглаживает, спускается ниже, ласкает талию, касается ягодич.

Живот моментально вспыхивает от странного томления.

- Спасибо вам за все, Игорь Михайлович, - голос дрожит, сжимаю ладошки в кулачки. - Завтра утром я бы хотела вернуться домой.

Тяжелая гнетущая тишина повисает в комнате. Уже не жду ответа.

- Хорошо, - хриплый баритон касается моих напряженных нервов. – Я свяжусь с твоей семьей.

Пожимаю плечами и не оборачиваясь выхожу из комнаты. Делаю несколько неуверенных шагов по коридору и слышу позади его осторожные шаги.

Снова ощущаю на себе его тяжелый изучающий взгляд.

Шаги замирают.

Усилием воли не даю себе обернуться.

Под его волнующим взглядом добираюсь до «своей» комнаты и исчезаю в ней.

Сползаю по закрытому дверному полотну вниз. Отбрасываю костыль.

Внутри все дрожит от возбуждения, пережитого страха и желания.

Так не должно было случиться. Я не такая. Я не могла гореть и плавиться в руках чужого мужчины. Не Марата! Ведь я любила его до безумия, как мне казалось.

Сердце сжимается, только не от боли потери, а от стыда за

себя, за свои желания. Теперь, при воспоминании о бывшем, внутри только глухое раздражение и пустота.

Вздрагиваю, услышав в коридоре грохот. Такое чувство, что что-то со всего размаху ударилось об стену или дверь библиотеки.

Выдыхаю.

Осторожно поднимаюсь и плетусь к кровати. Завтра предстоит тяжелый день.

Замечаю на функциональной кровати небольшую подпорочную коробку.

Что это? Откуда?

Сверху открытка. Открываю.

«Диана, это мое маленькое извинение за случившееся».

Это о чем он? О поцелуе?

Щеки моментально вспыхивают. Нет, не может быть. Коробочка тут появилась явно раньше, чем Игорь Михайлович меня поцеловал. Он же не мог это предугадать...

«Твой телефон, видимо, пропал бесследно. А тебе нужна связь с семьей».

Нет! Рву цветную бумагу. Громкий шелест заполняет комнату. Так и есть. Мой врач купил мне телефон.

Судорожно переворачиваю коробку и ищу логотип на гаджете.

Выдыхаю с облегчением. Это не вожаденное многими яблочко. Уже хорошо.

Потому что я даже представить не могу, чем мне при-

шлось бы расплачиваться!

Щеки вспыхивают.

«Прими его, он тебе необходим. Считай это извинением за испорченную неделю. Твою старую сим-карту я заблокировал. Вставь в телефон новую, чтобы активировать. Номер тот же».

Откуда он узнал мой номер? И как смог заблокировать старую симку?

Открываю коробку и прямо мне в руки выпадает маленький прямоугольник микро-сим.

Она идеально входит в слот. Запускаю телефон.

Наконец, я смогу позвонить домой и спокойно поговорить с мамой.

Стоит загореться голубому экрану и активироваться симке, как на телефон одно за другим начинают приходить сообщения.

Телефон вибрирует, не переставая.

С волнением открываю первое.

«У вас 2 пропущенных вызова абонент Алсу».

Сестра быстро поняла, что телефон не со мной.

«У вас 1 пропущенный абонент Марат».

В груди отдается глухой болью.

«У вас 152 пропущенных вызова абонент мама».

Значит, Алсу ей ничего не сказала.

Пролистываю ниже. Сообщения из прошлого. День моего выпускного.

«Диана, ты где?»

«Я что-то не поняла, что это за протесты?»

«Диана! Немедленно возьми трубку!»

Закусываю губу.

Мама даже представить не смогла, что со мной что-то случилось.

«Марат и Алсу ищут тебя! Возьми трубку!»

«Не доводи меня до инфаркта!»

Молчание. Долгое и томительное. Несколько дней мама не писала, лишь звонила несколько раз в день.

Последняя смска. Вчерашняя, после моего звонка.

«Ты мне больше не дочь. Чтобы ноги твоей не было в моем доме! За вещами можешь не приезжать, я их выбросила».



## Глава 7

Дождливое серое утро.

Я плохо спала, если это вообще можно назвать сном.

Шесть утра, а я уже на ногах. Сегодня я собираюсь вернуться домой.

Все попытки позвонить маме закончились ничем – она внесла мой номер в черный список.

Умываюсь, разглядывая свое бледное лицо в зеркале.

Как все изменилось за несколько дней. Из счастливого человека с огромными планами я превратилась в жалкую тень без будущего и семьи.

Расправляю складочки на ночнушке и осторожно открываю дверь.

В доме тихо. Слишком тихо.

- Готова? – раздается совсем рядом.

Вздрагиваю от неожиданности.

Игорь Михайлович стоит, прислонившись к дверному косяку напротив. Интересно, как давно он тут?

- Да, - шепчу едва слышно.

- Отлично, - на лице Игоря Михайловича не дрогнул ни один мускул. Полная равнодушия маска. – Идем завтракать и в путь.

Согласно киваю и прихрамывая плетусь следом за ним.

Завтрак проходит быстро. Кусок просто не лезет в горло.

В итоге я делаю несколько глотков ароматного чая и пытаюсь рассмотреть своего странного врача из-под полуопущенных ресниц.

Еще совсем не старый мужчина. Не могу точно сказать, сколько ему, наверное, не мало, раз у него взрослые сыновья. Серебристая седина на удивление идет ему, не добавляя лишних лет.

Удивительно живой, волнующий взгляд. Крепкое подтянутое тело.

Ему и больше сорока никто бы не дал, хотя подозреваю, что ему значительно больше.

- Поехали, - Игорь Михайлович ставит кружку на столешницу и поднимается.

- Да, только...

Он замирает, пронзая меня недовольным взглядом.

- Мне нечего надеть... - густо краснею. – В смысле, только ночнушка...

- Хм, - его взгляд из яростного становится задумчивым. – Сейчас что-нибудь придумаем.

Он исчезает. А я продолжают сидеть на кухне, поджав замерзающие на кафеле ноги под себя.

Сижу и представляю себе его взгляд: то черный и колющий, то нежно-золотистый. То пронзающий насквозь презрением, то обливающий яростью, то ласкающий страстью и желанием. Такой разный, такой...

- Вот, все что есть, - неожиданно возникший передо мной

Игорь Михайлович протягивает стопку разных вещей. – Может, что-то подойдет.

Я быстро перебираю футболки и джинсы, конечно мужские.

- Это вещи мои сыновей, они из них давно выросли, - он отводит взгляд, его голос сипит.

Киваю и быстро выбираю из стопки то, что кажется мне самым подходящим по размеру.

- А мое белье? – отчаянно краснею.

- Белье? – он словно пробуждается ото сна, обводит мою фигуру долгим внимательным взглядом. - Оно осталось в больнице, вместе с твоим платьем.

Тяжело вздыхаю. И сползаю со стула.

- Ничего страшного...

Одеваюсь быстро. Да и что возиться: футболка и джинсы на голое тело. Все не по размеру, все велико. Но это лучше, чем ничего или больничная сорочка.

- Идемте, - зову своего странного спасителя.

И снова этот долгий задумчивый взгляд. Он скользит по мне снизу вверх. От босых ступней, по мешковатым джинсам, длинной футболке. Останавливается на уровне груди, зацепившись за острые горошины сосков.

Мужчина встряхивает головой, словно прогоняет навязание и, наконец, останавливается на лице.

- Я рад, что ты его приняла, - он кивает на телефон, зажатый у меня в руке.

- Нет, не приняла, - отвечаю почти резко.

Светлые брови взлетают вверх.

- Как только я смогу, я оплачу вам его стоимость, - говорю гордо и вздергиваю подбородок.

И снова этот взгляд. Пронзительный, изучающий.

- Хорошо, - соглашается мужчина. – А вот с этим надо что-то делать.

Он кивает на мои босые ступни. Переминаюсь с ноги на ногу. Крепче перехватываю костыль.

Из высокой обувницы на свет появляется гора обуви. Мужской. Сорок какого-то там размера. На мой тридцать пять.

Смешно.

- Нет, - снимаю с себя последнюю пару сланцев.

- Но ты не можешь идти босиком, - резонно замечает мужчина. – Обувай сланцы.

- Да я в них как в снегоступах!!! – мое возмущение прорывается наружу. Я демонстративно натягиваю обувь на себя и вытягиваю ногу.

Хмурый взгляд скользит по моей ноге, замирает на стопе в огромном резиновом шлепке. Уголки его губ дрожат. А следом раздается хрипловатый, но такой заразительный смех.

От неожиданности икаю.

Какой приятный, мягкий, бархатистый смех. Он ласкает слух и отдается в груди легким волнением.

- Не смешно, - замечаю обиженно.

- Смешно, - парирует он.

Смех быстро прекращается. Игорь Михайлович помогает мне спуститься по ступенькам и устроиться на заднем сиденье его машины, сам ловко запрыгивает за руль.

Нет, больше сорока ему не дашь.

- Это не та машина, - задумчиво говорю я, осматривая кожаный салон дорогого седана. Я даже марки не знаю, но точно знаю, что не на этой машине мужчина меня...

- Нет, не та, - колючий пронзающий взгляд через зеркало заднего вида. – Рендж в ремонте.

Просто киваю в ответ и отворачиваюсь к окну.

Так мы и едем до самого Питера из коттеджного поселка.

Уютное место с дорогими домами, охраной, а вокруг девственная природа, небольшая речка, лес, поля. Все это быстро мелькает за окном.

Я бы хотела жить в подобном месте. Когда-нибудь.

- Адрес. Диана!

- А? - вздрагиваю.

- Адрес! Куда мы едем?

Густо краснею и выдыхаю.

- Нам в Шушары.

Жду удивления, недовольства. Хоть чего-нибудь, хоть каких-нибудь эмоций.

- Адрес? – повторяет Игорь Михайлович и включает навигатор.

- Улица Литейная девяносто восемь Б.

Длинные пальцы быстро мелькают по виртуальной клавиатуре. Адрес задан, и механический голос предлагает свернуть на следующем повороте.

Неожиданно мне становится неуютно за себя. Хотя я понимаю, что мне нечего стыдиться. Я родилась в семье рабочих, хорошо училась и честно работала. Это не моя вина, что я не родилась с серебряной ложкой во рту. И жить в нашем поселке пусть и не престижно, но не стыдно!

А Игорь Михайлович раз дарит малознакомым девушкам такие телефоны, имеет две машины и такой дом, значит, может себе это позволить.

И понимаю все это я только сейчас. Лучше сейчас, пока я не успела себе что-то там нафантазировать.

Осторожно касаюсь пальчиками губ, словно могу сохранить на губах его вкус...

- Приехали, - Игорь Михайлович оборачивается ко мне.
- А? Да? – тянусь к ручке открывания двери и замираю.

Прямо мимо полированного автомобиля моего спасителя идет отчим.

Спина его согнулась под тяжестью ноши, он тащит огромный тюк в сторону мусорки.

Мама что, затеяла ремонт? Или генуборку?

Прочный пластиковый пакет для мусора не выдерживает тяжести вещей и лопается. На землю выпадают мои любимые мокасины, следом за ними словно белоснежные капли на грязную землю падают мои трусики.

- Нет! – рывком открываю дверь.

## Глава 8

Не слушаю, что торопливо и сердито говорит мне врач.

Не обращая внимания на боль в ноге, почти бегу за отчимом.

- Алишер, Алишер! Подожди!

Слезы обиды катятся по щекам.

Она не могла так со мной поступить! Я ведь ее дочь! И я ни в чем не виновата!

- Алишер! – крик рвется из самой груди.

Отчим замирает и разворачивается.

Со смесью удивления и радости смотрит на меня.

- Диана, - он скидывает с плеча свой тюк и делает шаг ко мне.

Но останавливается в нерешимости.

У нас никогда не было с ним близких или доверительных отношений. Мне всегда казалось, что он просто терпит старшую дочь своей любимой женщины. Но он и никогда не обижал меня, не ругал, не поднимал на меня руку.

Просто сторонился.

- За что? – слезы бегут по щекам.

- Ты же знаешь свою мать, - его голос звучит глухо и виновато. – Я не смог ее отговорить. Где ты была, Диана?

- В больнице, - всхлипываю. – Меня машина сбила в день выпускного.



- Твою мать, - ругается сквозь зубы отчим. – И ты...

- Я в порядке, - слежу за его удивленным взглядом, что скользит по моей одежде. – Со мной почти все хорошо. Пара царапин и отсутствие нормальной одежды.

- Почему ты не сказала это Зарине? – в его взгляде читаю сожаление. Искреннее.

- Я пыталась, но ты знаешь ее, - повторяю его же слова.

Он кивает.

- Она дома?

Очередной кивок. Отчим достает из кармана пачку сигарет и прикуривает.

- Она тебя не пустит, - отвечает он и выпускает густое белое облако дыма. – Она в бешенстве.

- Но я не могла приехать! – в отчаянье заламываю руки.

- Она не простит тебе того, что ты сказала про Алсу и Марата.

- Но это правда.

Отчим презрительно сплевывает на асфальт. Он мне не верит. Как и мама.

- Но это правда, - эхом повторяю я.

- Алсу, она... - отчим замолкает, подбирает слова.

- Она не призналась? – догадываюсь я.

- Нет, - он делает очередную затяжку.

Из низко нависающих серых туч начинает накрапывать дождь.

Молчание затягивается.

- Я поговорю с ней, - неожиданно дает мне надежду отчим.

- Что? – поднимаю голову. Не могу поверить. Отчим, с которым мы за все двадцать лет жизни под одной крышей едва ли перебросились десятком слов, обещает поговорить с мамой!

- Я поговорю с Зариной. Расскажу про аварию и больницу. Но ты сильно не надейся... - он задумчиво жуёт фильтр сигареты. – Вчера ей уже звонили и пытались рассказать про аварию. Она бросила трубку. Зарина очень вспыльчивая. Пока она не остынет – объяснять ей что-то бесполезно.

Печально киваю. Я и сама это знаю. Мама готова испепелить все вокруг себя, пока в гневе. Даже если потом и пожалеет об этом.

- Держись, Диана, - мне на плечо ложится его тяжелая шершавая от тяжелой работы ладонь. – Но домой не суйся. Она тебя не пустит.

Киваю и глотаю слезы.

- Звони, если что. Я постараюсь помочь, если смогу. У тебя деньги есть?

Тупо смотрю в одну точку. Вот так за пару минут может измениться мир. Родная мать вышвырнула меня из своей жизни и из дома. А чужой по сути человек предлагает помощь.

Отрицательно качаю головой.

- Держи.

Мне в ладонь ложится мятая купюра.

- Больше нет, прости, - он виновато переминается с ноги на ногу и выплевывает докуренный бычок. – Мне пора.

Очередное неуклюжее, но такое неожиданно теплое похлопывание по плечу и отчим разворачивается и уходит в сторону остановки.

Сквозь слезы смотрю на свою сжатую ладонь. Из нее торчит ярко рыжая бумажка. Пять тысяч рублей. Отчим дал мне пять тысяч. Но у него же никогда не бывает денег, всю зарплату до копейки он оставляет дома. Мама даже на проезд и сигареты ему выдает ежедневно.

Крепко сжимаю кулак.

- Спасибо, - шепчу в пустоту.

Замечаю прямо перед собой огромный мешок, который с интересом обнюхивает помойный кот.

- Пошел вон! – кричу слишком громко. Пугаю не только кота, но и стаю помойных голубей.

Мертвой хваткой вцепляюсь в мешок и пытаюсь оттащить его от мусорки.

Сил нет. Мир вокруг начинает вращаться с огромной скоростью. Перед глазами все плывет. К горлу подкатывает тошнотворный ком.

- Ну же, ну давай! – кричу на пакет.

И в итоге дергаю его из последних сил. Пластик рвется, у меня в руках остается огромный кусок черного полиэтилена, а из зияющей дыры прямо на грязную мокрую землю вываливаются мои вещи.

- Нет! Нет! – тылом ладони смахиваю слезы и пытаюсь сгрести свои вещи в кучу.

Тошнота становится нестерпимой. Поднимаю голову и стараюсь дышать урывками, мелкими глоточками.

Дождь становится все сильнее. Крупные капли барабанят по лицу и спине, по пакету, по мусорным бакам.

Мне не справится одной.

Отбрасываю от себя кусок полиэтилена, что все еще сжимаю в руке.

Медленно ковыляю к подъезду, постоянно оборачиваюсь на свои вещи, словно они могут исчезнуть.

Подхожу к подъездной двери и хлопаю себя по карманам.

Ключей нет. Они остались у Марата.

Дрожащими пальцами набираю заветный номер и замираю перед динамиком.

- Кто? – раздается сердитый мамин голос.

- Мама, открой, - слезы вперемежку с дождем катятся по щекам. – Это я...

Но ответа нет. Лишь недолгое потрескивание динамика. Мелодичного сигнала открывания двери тоже нет.

Может, сбой?

Снова и снова я жму на нужные кнопки, но вместо ответа получаю ошибку.

Одеревеневшими от холода и дождя пальцами я снова и снова жму на кнопки в надежде снова услышать ее голос.

Но нет, она выключила домофон. Она не ждет меня. Она

меня не пустит, как и сказал Алишер.

## Глава 9

- Идем, - хриплый баритон врывается в мое маленькое отчаянье.

Мне на плечи опускается темно-серый шерстяной пиджак.

- Ты вся промокла, - его голос вместе с теплом сухой вещи обволакивают.

- Она не пускает меня, - шепчу я сквозь рыдания.

- Я уже понял, - Игорь Михайлович обнимает меня за плечи и крепко прижимает к себе. – Идем.

Послушно иду с ним, переставляю ногами, не задумываясь ни о чем, пока мы не проходим мимо мешка.

- Мои вещи, - дергаюсь, пытаюсь вырваться из его хватки, поднять свое имущество и нести.

- Оставь! – гремит строго.

- Нет! Это все мои вещи. У меня больше ничего нет. Она все выбросила-а-а, - подвываю жалобно.

- Это уже не вещи, - гремит Игорь Михайлович, - это уже мусор.

Поднимаю на него полный злости взгляд, а вижу лишь сожаление и уверенность в своих словах.

Смахиваю слезы и поворачиваюсь к мешку.

Дождь усилился. Под пакетом собралась грязная вонючая лужа, что натекла из-под полных баков, а в ней плавают мои

мокасины и новенькие танго. Из разорванного бока медленно вываливаются стремительно намокающие вещи. Они бесформенной грудой со шлепком падают все в ту же лужу.

Игорь Михайлович прав – это мусор. Как и вся моя жизнь.

- Там могут быть твои документы? – мужчина слегка встряхивает меня.

Задумываюсь на секунду.

- Вряд ли, - качаю головой.

Не думаю, что Марат вернул мои вещи домой, ему пришлось бы объяснять, где он их взял. А это сложно...

- Нет, - говорю тверже.

- Тогда идем, - Игорь Михайлович подталкивает меня к пассажирской двери.

Быстро распахивает ее и помогает мне устроиться на переднем сиденье.

- Сейчас согреешься, подожди, - он словно маленького ребенка пристегивает меня.

Наклоняется, вытягивает ремень безопасности, перегибается.

Ощущаю его горячее дыхание на своей коже.

С его серебристых волос стекают крупные ледяные капли. Белоснежная рубашка промокла насквозь и облепила рельефные натруженные мышцы.

- Вы промокли, - говорю заторможено.

- Ничего, высохну, - кивает он мне и защелкивает замок.

Быстро оббегает машину, садится за руль и нажимает на

большую круглую кнопку.

Мотор отвечает ему утробным рычанием.

Игорь Михайлович встряхивает головой, двумя руками зачесывает назад мокрые волосы и нажимает еще какие-то кнопки.

Не машина, а космический корабль, - мелькает в голове. И в ту же секунду мне в лицо бьет сухой горячий воздух, а под ягодицами начинает теплеть сиденье.

- Так лучше? – мужчина пытается поймать мой взгляд.

Скидываю на пушистый коврик огромные сланцы и подставляю мокрые озябшие пальчики под горячий поток откуда-то из-под панели.

- Да, - киваю и тупо смотрю перед собой.

- Я правильно понимаю, что ехать тебе некуда?

Опять киваю. Есть друзья семьи, но я не уверена, что они меня примут. Родственники далеко.

- И вещей у тебя больше нет?

Очередной кивок.

- Хорошо, - подводит итог Игорь Михайлович и включает поворотник.

Машина плавно трогается.

Ничего хорошего я не вижу. Но молчу. Тупо смотрю в одну точку.

Как? Ну как она могла? Она не поверила мне, она вычеркнула меня из своей жизни! Так же нельзя!

И сестра. Она не заступилась за меня, не рассказала мате-



ри всю правду. Да хоть половину правды!!!

Всхлипываю и растираю по лицу слезы.

Одно «неверное» решение изменило мой мир, всю мою жизнь.

Зачем я без звонка пошла к Марату? Ведь если бы я не пошла к нему, я бы не застала их с Алсу. И все было бы как раньше. Назойливая малодушная мысль не дает мне покоя.

Встряхиваю головой. Нет!

Я не хочу всю свою жизнь быть обманутой женой! Лучше так! Лучше сейчас! Я что-нибудь придумаю, найду работу...

- Пойдем, - вырывает меня из размышлений хриплый баритон.

- Куда? – удивленно моргаю.

- Ты не можешь ходить в мужских джинсах и футболке, - он пожимает плечами и протягивает руку.

- У меня нет выбора...

- Есть, - говорит он упрямо. – Прямо сейчас мы что-нибудь купим тебе на первое время.

- Нет, - качаю головой. – У меня нет на это денег.

- А кто сказал про деньги? Это мой подарок.

- Мне не нужны ваши подарки, - говорю резче, чем хотелось бы. – Простите.

- Не хочешь быть обязанной? – понимающе говорит он.

Упрямо молчу.

- Боюсь, у тебя нет выбора, гордая девочка, - он выходит из машины, распахивает дверцу с моей стороны. – Выбирай:

идеешь сама или я несу тебя на руках?

Презрительно фыркаю и складываю руки на груди. Он не понесет меня в магазин. Тем более такой!

За спиной Игоря Михайловича переливается огнями один из самых дорогих бутиков северной столицы.

- Значит так? – серебристые брови сходятся на переносице.

Мужчина наклоняется, отстегивает ремень и подхватывает меня на руки.

- Пустите! Пустите, кому говорю! – пытаюсь оттолкнуть его, вырваться. Качаю на весу босыми ногами. Но сил мне не хватает.

Мужчина только крепче прижимает меня к себе.

Стеклянная дверь открывается перед нами, словно по мановению волшебной палочки. В лицо ударяет яркий свет, аромат дорогих духов и крепкого кофе.

- Игорь Михайлович!

- Игорь Михайлович, мы рады вас видеть!

- Игорь Михайлович, здравствуйте, - со всех сторон раздаются мелодичные голоса.

- Девочки, - командует мужчина. – Живее, мне надо через полчаса превратить эту Золушку в прекрасную принцессу!

## Глава 10

Взгляды девочек из восхищенных становятся заинтересованными. Они рассматривают меня с неприкрытым любопытством.

Смущаюсь и опускаю голову.

- Пустите меня, - шепчу Игорю Михайловичу.

- Девочки! – его громкий голос разносится под потолком, - где у вас самый удобный диван?

Он игнорирует мои попытки встать на ноги и лишь крепче прижимает к своему горячему твердому телу.

Девушки, словно стайка птиц взмахивают руками, их лица меняют выражение на сугубо деловое. Двое уносятся и начинают выбирать одежду на вешалках, а одна, очаровательно улыбаясь, указывает нам дорогу.

- Вот, прошу, располагайтесь. Чай, кофе?

Огромная светлая комната с зеркалами с трех сторон и безумно удобными диванчиками по четвертой стене.

Яркий свет заливает все вокруг, воздух пропитан ароматом кофе и шоколада.

- Кофе, пожалуйста, - подбираю под себя озябшие ноги.

- Кофе и пирожные, - командует Игорь Михайлович.

Девушка услужливо кивает и собирается исчезнуть.

- Белье и обувь для моей спутницы и сухая рубашка для меня! – гремит голос Игоря Михайловича.

Девушка на секунду замирает в дверях, оборачивается и кивает, показывая, что все поняла.

Зачем мы сюда приехали? Зачем вообще это все? Зачем вам я? – не успеваю задать эти вопросы.

В комнату заходят две девушки и не несут, нет, они везут за собой ТРИ! вешалки, полные самой разнообразной одежды.

- Мы выбрали базовый гардероб, кое-то на выход и...
- Только базовый, - обрывает их Игорь Михайлович.
- Хорошо, - одна из девушек отодвигает в сторону третью стойку с одеждой.

- Нижнее белье? – интересуется мужчина.
- Повседневное, утонченное, из последней коллекции, - перечисляет девушка, поочередно демонстрируя мужчине самые разнообразные комплекты от ультра закрытых до мега сексуальных гипюровых.

Мои щеки моментально вспыхивают от стыда.

Девушки же, кажется, не видят в этом ничего необычного. Они же женское интимное белье показывают мужчине! Да еще и чужому!

- Повседневное, - кивает Игорь Михайлович, - и два последних из новой коллекции.

Краска стыда заливает все лицо и спускается на шею. Нет! Я не могу это даже примерить, зная, что Игорь Михайлович уже видел это белье!

- Прошу, - девушка услужливо распахивает белоснежную

дверь и приглашает меня пройти в примерочную.

- Простите, я... - собираю волю в кулак, хочу извиниться перед всеми и сбежать. Пускай позорно, но больше не участвовать в этом унижительном шопинге.

- Ваши рубашки, Игорь Михайлович, - возвращается третья девушка с несколькими вариантами.

- Белая, - командует мужчина и, не дожидаясь приглашения в примерочную, начинает расстегивать пуговицы.

Простые, отточенные годами движения гипнотизируют меня.

Как только рубашка сползает с его плеч, я прикусываю губу. Подтянутое, мощное, накаченное тело под смуглой бархатистой кожей. О, нет, ему точно больше сорока не дашь.

Неожиданно для самой себя я замираю и люблю его рельефной спиной, мышцы приходят в движение, пока он избавляется от рубашки. Восхищение и чисто женский голод прокатываются по мне волной.

Смятая мокрая рубашка летит на диван. А новая белоснежная слишком быстро обволакивает удивительно притягательное тело.

Кажется, я слышу вздох сожаления со стороны девочек, возможно, мне это только кажется.

- Ваш кофе и пирожные! – раздается следом.

Живот неожиданно подвывает в ответ.

- Извините, - шепчу едва слышно. И тянусь за маленькой чашечкой.

Делаю пару глотков ароматного напитка и кусаю воздушное пирожное.

- А теперь в примерочную, - Игорь Михайлович заканчивает с запонками.

- Я...

- У нас мало времени, не советую тратить его на споры, - говорит он строго.

И я подчиняюсь. Возможно теплый воздух, вкусный кофе и пирожные немного разбавили мой агрессивный настрой. А возможно, у меня просто нет сил противостоять этому необычному мужчине.

Под щебетание девушек скрываюсь в примерочной и стягиваю с себя джинсы и футболку.

Из огромного зеркала на меня смотрит изможденная и бледная девушка. Не я.

Я такой никогда не была. У меня даже пара лишних килограмм имелаась, пышная грудь и бедра. А сейчас?

Под глазами темные круги, выступающие ключицы, грудь обвисла.

Приподнимаю два мягких полукружия, смотрю на образовавшуюся сексуальную ложбинку. Недавно так и было...

Спускаюсь на талию, бедра. Поворачиваюсь правой стороной.

Слезы жалости к себе застилают глаза. Нога выглядит ужасно. Все еще в багрово-синюшных разводах кровоподтеков, ссадинах, болячках и с распухшим коленом.

А прямо передо мной висят дорогие светлые шмотки из струящихся тканей. Ну как можно надеть их на ТАКОЕ тело?

Вздрагиваю от неожиданности. В кармане джинсов начинает вибрировать телефон.

Оборачиваюсь. Следом раздается рингтон. Громко, навязчиво.

Путаюсь в тяжелой ткани, быстро обшариваю карманы и достаю гаджет.

Холодный липкий пот выступает на висках. Сердце тревожно бьется в груди.

На экране высвечивается «Марат».

Секундное промедление и я сбрасываю вызов.

Но бывший парень не сдастся. Он набирает снова и снова.

Из груди рвется стон.

Следом раздается стук в дверь.

- Диана! – громкий голос Игоря Михайловича. – У тебя все хорошо?

- Да, - наваливаюсь на дверь, боюсь, что он может войти.  
– Все хорошо.

Выключаю звук.

# Глава 11

- Вот эти три комплекта, верно? – девушка перебирает перемеренные мною вещи и откладывает их отдельно. – Светлые брючки и джинсы...

Не слушаю ее. Сердце тревожно и гулко бьется в груди. Что ему надо?

Зачем он звонил?

Зажимаю в руке телефон.

- Диана?

- А? – вздрагивают от голоса Игоря Михайловича.

- Да, да, все хорошо. Голова кружится, - вру зачем-то я.

Меня пронзает его задумчивый тяжелый взгляд. Кажется, он видит меня насквозь.

- Тогда, не будем задерживаться, - он кивает девушкам и идет к кассе.

Прямо перед ним на высокой столешнице вырастает гора пакетов и свертков.

В полнейшей тишине он прикладывает карту к терминалу.

- Идем, Диана? – он сгребает все пакеты и поворачивается к выходу.

- Да, минутку, - делаю вид, что меня заинтересовала какая-то вещь на вешалке.

- Жду тебя у машины.



- Уже иду, - поворачиваюсь к девушке у кассы и шепчу. – Можно мне дубликат чека?

Ее улыбка сползает, а выражение лица становится озадаченным.

- У нас только электронные чеки, - говорит она вежливо. – Ваш чек ушел на электронную почту Игоря Михайловича.

- Я поняла, - оглядываюсь, не слышит ли нас Игорь Михайлович. – Ну а распечатка с перечнем покупок или бирки с ценниками?

- К сожалению, у нас нет подобной услуги, - на ее лице появляется вымученная улыбка. – А бирки на вещах содержат информацию для вашей горничной или химчистки по уходу за вещами. Без цен.

- А как я должна узнать цену на интересующую меня вещь? – впадаю в ступор.

- Извините, - улыбка становится еще более бледной. – Но наших клиентов обычно не интересуют подобные вещи, как цены. Простите.

- Ничего, ничего, - шепчу я и разворачиваюсь.

Пока иду, вжимаю голову в плечи. Ощущаю на себе три удивленных и препарирующих меня словно диковинную зверушку взгляда.

Правду говорят, у богатых свои причуды.

Распахиваю стеклянную дверь, в лицо ударяет пронизывающий холодный воздух.

Не очень теплое лето. Горько улыбаюсь. А мы с Мара-

том собирались после моего выпуска съездить куда-нибудь на турбазу, пожарить шашлыки, побыть на природе...

Горло так некстати сжимает очередной спазм. Да сколько можно?

- Диана, нам пора.

- Да, да.

Без возражений сажусь в машину к Игорю Михайловичу, пристегиваюсь и тупо смотрю на панель перед собой.

Мысли становятся густыми, вязкими. Текут медленно.

В руке в очередной раз вздрагивает телефон. Звук я выключила, а вот вибровывозов оставила.

Смотрю на экран.

«Нам надо поговорить». Марат.

Буквы плывут перед глазами. Дыхание сбивается. О чем нам говорить?

Быстро оглядываюсь, словно бывший может стоять где-то рядом и видеть меня. Меня с Игорем Михайловичем.

«Я этого так не оставлю». Словно в подтверждение моих мыслей приходит следующее сообщение.

Неожиданно стыд обливает меня. Я еду в чужой машине, с малознакомым мужчиной, позволяю ему покупать мне одежду. И даже не знаю, куда мы едем! Но я ведь не ТАКАЯ!

- Приехали!

Вздрагиваю и смотрю по сторонам.

Закрытый двор. Элитная многоэтажка. Рядом припаркованы огромные отполированные до блеска внедорожники.

- Куда?

- Сейчас увидишь, - улыбается мужчина и отстегивает ремень безопасности.

Дрожащими пальчиками отстегиваю свой ремень и, не дожидаясь помощи от мужчины, выскакиваю из машины.

Игорь Михайлович подхватывает все мои пакеты и идет к подъезду.

Открывает дверь и уверенно идет к лифту.

- Куда мы?

- Ты мне доверяешь? – он заходит в лифт и протягивает руку. По его губам скользит легкая, немного мальчишеская улыбка.

Она должна приободрить меня, но больше пугает. Чему здесь радоваться?

Сейчас я ясно, как никогда понимаю, что у меня есть только два выхода: развернуться и убежать, без вещей, без денег, без документов или остаться и подчиниться воле этого человека.

Видимо, моя внутренняя борьба четко отражается на моем лице.

Игорь Михайлович хмурится, нажимает на кнопку «стоп» на лифте.

- Ты меня боишься! – говорит он утвердительно.

- Нет, - качаю головой.

- Не доверяешь, ждет какого-то подвоха.

- Я... - пытаюсь подобрать слова. – Я боюсь. Но не вас...

Выдыхаю. В руке опять так не вовремя вибрирует телефон.

- Я...

Мои слабые попытки оправдаться прерываются шагами случайных свидетелей в холле.

Игорь Михайлович протягивает руку, подхватывает меня под локоть и затаскивает в лифт. Жмет кнопку.

- Поговорим в моей квартире, - отрезает он.

## Глава 12

Лифт быстро довозит нас до нужного этажа.

На ручке ближайшей к нам двери висит какой-то сверток.

- Отлично, - Игорь Михайлович отпирает дверь, снимает пакет и заталкивает меня внутрь.

Не могу сказать точно, но кажется, именно из пакета по квартире разносится аппетитный запах чего-то изысканного и мясного.

- Проходи, - командует Игорь Михайлович.

Мнусь на коврик.

Огромный светлый, отделанный мрамором холл. Роскошная мебель, пушистый ковер.

- Идем, - повторяет мужчина и сгружает пакеты на банкетку у входа.

Мужчина не торопиться снимать обувь и проходит дальше.

Оглядываюсь по сторонам, жду, когда нам навстречу выйдет его жена или сыновья. Прислушиваюсь. В квартире пусто.

- Диана!

- Иду, - отвечаю тихо и осторожно снимаю новые мокасины у входа.

Иду следом за мужчиной и попадаю в огромную комнату с панорамным окном во всю стену. Отсюда весь Питер как

на ладони. Просто потрясающе.

- Располагайся.

- А?

- На какое-то время это твой новый дом, - мужчина внимательно следит за моей реакцией.

- Нет, - качаю головой и делаю шаг назад. – Нет, я не могу.

- Почему? – он хмурится.

- У меня нет таких денег.

- Мы не говорим про деньги.

- Игорь Михайлович, - вскидываю подбородок. – Я не привыкла к чужим подачкам.

Выдыхаю и боюсь его реакции.

Желваки на его щеках приходят в движение.

- Подачкам? – его голос звучит устрашающе.

- Подаркам, «помощи», называйте, как хотите, - внутри сердце сжимается от страха. Но я пытаюсь стойко вынести его сердитый взгляд.

Он молчит. Через высокий лоб пролегает глубокая морщина.

- Я не могу себе все это позволить. Эта одежда...

- Тебе не понравилась?

Золотисто-карий взгляд стремительно темнеет. Вокруг моментально накаляется воздух, кажется, еще секунда и он начнет искрить.

- Нет, нет. Очень понравилась, - расправляю несуществующие складки на новенькой юбке. - Но она дорогая.

- Ерунда.

- Может, для вас и ерунда, - говорю обиженно. – А я вряд ли смогу позволить себе даже кофточку из того бутика даже если буду откладывать на нее год.

От мужчины волнами исходит ярость.

- И эта квартира. Даже если я найду еще одну работу, я не смогу ее оплачивать.

- Я и не предлагаю!

- Но я не могу просто пользоваться вами! – выкрикиваю в отчаянье.

Он делает шаг ко мне, нависает. Давит своей силой и мощью.

Хочу достойно встретить его взгляд, полный безумной ярости. Но не выдерживаю и опускаю голову.

- Я не могу использовать вас... это неправильно, - слезы звенят в голосе.

- Диана, я не предлагаю тебе подачки и не собираюсь за-даривать тебя подарками, чтобы ты там себе не напридумывала, - говорит он твердо.

- Да? – поднимаю голову.

- Да, я предлагаю тебе помощь. Потому что ты очень нуждаешься в ней именно сейчас, а я чувствую свою вину за это.

- Но я не хочу стеснять вас, - отвечаю тихо.

- Ты никого не стеснишь, эта квартира моего сына, он живет за границей. Она давно пустует. А ты немного за ней приглядишь.

- Но я... - все никак не могу согласиться.

- Диана, уже поздно, давай закончим обсуждения. Тебе ведь все равно некуда идти.

- Некуда, - соглашаюсь с ним и тяжело вздыхаю.

- Значит, ты остаешься здесь, - говорит Игорь Михайлович, как о решенном деле. – А что у тебя с работой?

- Я работаю санитаркой, - почему-то становится немного стыдно. Хотя стыдиться мне нечего. Я честно зарабатываю деньги нелегким трудом, помогаю... помогала семье.

Мужчина хмурится.

- А образование?

- Закончила базовый медицинский колледж.

- Специальность?

- Лечебное дело. Я медсестра терапевтического отделения.

- Даже так? – серебристые брови удивленно взлетают вверх.

- Почему работаешь не по специальности?

- Я только закончила. В тот вечер... - горло сжимает спазм, - у меня был выпускной.

- Тише, девочка, - горячая ладонь опускается мне на плечо. Слегка сжимает, даря поддержку.

Сердце подпрыгивает в груди, а по телу пробегает легкая дрожь.

- Документы?

- Наверное, остались валяться под дождем вместе с теле-



фоном, - отчаянно краснею от своего вранья.

- Восстановим, - говорит он уверенно. – Работу я тебе уже нашел. Но сначала, тебе надо немного восстановиться.

Открываю рот от удивления. Как это нашел работу? Он даже не знает, где я училась и как, что я умею. Может, я криворукая!

Тишину разрезает настойчивая трель чьего-то телефона.

Свой я поставила на беззвучный еще днем. Игорь Михайлович достает телефон из кармана брюк.

Мужчина хмурится, стоит ему увидеть абонента на ярком экране смартфона.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.